

БОРИС КРИГЕР



КОММУНИКАЦИЯ
С ЖИВОТНЫМИ

БОРИС КРИГЕР

КОММУНИКАЦИЯ
С ЖИВОТНЫМИ



© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Коммуникация с животными

Книга предлагает смелую и технически обоснованную концепцию: дать голос всем живым существам. Отказавшись от старой идеи, что разум невозможен без речи, автор демонстрирует, как искусственный интеллект может расшифровать импульсы мозга животных, выявить устойчивые паттерны поведения и создать семантические словари, превращая невысказанное в осмысленное. Книга открывает дорогу к реальному диалогу между человеком и другими видами — от собак и осьминогов до птиц и даже потенциально насекомых, — тем самым разрушая тысячелетнюю стену молчания. Это не просто научная фантастика, а технически осуществимый план мира, где каждый голос будет услышен.

Коммуникация с животными

Поведение многих представителей животного мира нередко вызывает ощущение скрытого смысла, словно за их действиями прячется нечто большее, чем простая инстинктивная реакция. В наблюдениях за ними проявляется своеобразная настойчивость, с которой они пытаются донести что-то важное, хотя лишены возможности выражаться в звуках, привычных человеческому уху. Из-за этого сложилась устойчивая точка зрения, согласно которой отсутствие у животных сложной речевой артикуляции якобы указывает на ограниченность их мыслительных способностей.

Однако подобный подход в действительности уходит корнями в логическую ошибку. Приравнивая отсутствие речи к отсутствию сознания, такое мнение упускает из виду иные формы мышления, не связанные напрямую с языковой конструкцией. Ведь разум способен проявляться вне верbalного выражения, приобретая черты чувственного восприятия, наглядного образного мышления, мгновенных реакций и эмоциональных импульсов. Эти формы, хотя и не укладываются в привычные категории логического анализа, всё же свидетельствуют о наличии внутренней организации, свойственной мыслящему существу.

Слово, безусловно, расширяет возможности разума, придавая ему способность к абстракции, обобщению, построению сложных понятий и выстраиванию взаимосвязей между ними. Появление речевого кода стало тем водоразделом, который разделил животный и человеческий типы сознания, позволив последнему

подняться на новую ступень развития. Но, даже не обладая такой системой, живые существа вполне могут обладать формой интеллекта, основанной не на логосе, а на непосредственном чувственном отклике и способности к взаимодействию с окружающим миром через опыт и наблюдение.

Исследования последних десятилетий всё чаще выявляют в структуре мозга различных животных удивительно сложные нейронные образования, ответственные не только за простые рефлексы, но и за процессы, лежащие в основе эмоциональных реакций, долговременной памяти и элементарного выбора. Особенно ярко это проявляется у млекопитающих, некоторых птиц и высокоразвитых морских организмов, таких как осьминоги и каракатицы, обладающих крайне нетипичной для беспозвоночных степенью нейронной дифференцировки. Эти организмы демонстрируют поведенческую гибкость, способность к обучению и даже проявления, напоминающие зачатки эмпатии или преднамеренности.

При этом традиционный подход, направленный на обучение животных человеческому языку, оказывается не только ограниченным, но и в некотором смысле неверным. Сама постановка задачи в подобной форме оставляет за скобками главное — необходимость понимать мыслительный процесс в его подлинной, нередуцированной к человеческим стандартам форме. Внимание всё больше смещается в сторону изучения характерных нейронных паттернов, лежащих в основе

поведения и реакций, и именно они могут стать той формой языка, на которой возможно сближение миров.

Современные технологии, развиваясь с беспрецедентной скоростью, уже предоставляют возможность неинвазивного или щадящего сканирования мозговой активности с использованием электрофизиологических методов. Электроэнцефалография, разнообразные нейропротезы и миниатюрные имплантаты позволяют получать информацию о мозговых импульсах в режиме реального времени, не нарушая при этом нормального функционирования организма. Такая практика всё чаще применяется в лабораторных исследованиях, где животные участвуют не как объекты дрессировки, но как полноценные участники когнитивного процесса.

Когда подобные данные соотносятся с внешними проявлениями поведения — изменением позы, звуковыми сигналами, движениями конечностей или мимикой — начинают вырисовываться первые закономерности. На основе этих наблюдений формируются примитивные ассоциативные связки, в которых определённый тип возбуждения мозга соответствует определённому действию или реакции. Постепенно, через обогащение выборки и уточнение контекстов, эта система становится всё более точной, открывая доступ к восприятию внутреннего состояния животного, ранее недоступного для наблюдателя.

В условиях накопления обширных массивов данных, отражающих тонкие взаимосвязи между мозговыми импульсами, телесной мимикой, вокализацией и внешне наблюдаемыми формами поведения, искусственный

интеллект получает возможность обучаться на множестве повторяющихся примеров. Принимая во внимание мельчайшие нюансы временных и пространственных характеристик нейронной активности, алгоритмы выявляют скрытые корреляции, ускользающие от человеческого взгляда. Именно такая машинная чувствительность к деталям делает возможным постепенное складывание внутренней карты смыслов, своеобразного «словаря» конкретного животного.

Этот словарь, будучи не словесным в привычном смысле, представляет собой совокупность устойчивых паттернов, каждый из которых соответствует определённой категории ощущений, побуждений или намерений. Не являясь универсальным языком, он остаётся глубоко индивидуализированным — сформированным под влиянием среды, опыта и даже эмоционального контекста жизни конкретного организма. Однако, несмотря на индивидуальность, эти структуры допускают обобщение, и на их основе можно создавать собираательную модель, способную описывать не единичного представителя, но целый вид.

Так, работая с множеством представителей одной биологической группы, система формирует не просто единичный поведенческий профиль, а типологическую модель — обобщённую концепцию, допустим, «собаки», охватывающую разнообразные формы поведенческих реакций, характерные для семейства в целом. Этот обобщённый лексикон не исключает вариативности между отдельными особями, но позволяет с высокой точностью предсказывать наиболее вероятные действия,

эмоциональные состояния или мотивации в типичных ситуациях. Постепенно такие модели начинают функционировать как инструменты межвидового понимания, приближая человека к расшифровке естественного языка живых существ.

Постепенно выстраивается структура взаимодействия, в которой живое существо, оснащённое нейроимплантами, вступает в связь с человеком, использующим планшет или иной интерфейс, способный обрабатывать сигналы. Между ними действует система искусственного интеллекта, выполняющая функцию посредника, способного различать тончайшие оттенки нейронной активности и сопоставлять их с понятными для человека формами сообщения. Этот процесс начинает с простейшего: животное испытывает состояние — потребность в воде, лёгкое беспокойство, внезапный интерес или радостное возбуждение, внутреннюю скуку, ощущение привязанности, желание физического контакта или боль. Электрическая активность мозга в такие моменты приобретает определённую конфигурацию, распознаваемую системой, и трансформируется в привычный символ: текстовую строку, голосовое сообщение или условную иконку на экране.

С другой стороны, реакция человека тоже становится частью этого обмена. В ответ на полученный сигнал он совершает действие — пишет фразу, произносит слово, показывает изображение, двигается определённым образом, или просто активирует визуальный или слуховой стимул. Алгоритмы, обучаясь на множестве таких взаимодействий, начинают интерпретировать эти

отклики и передавать их в формате, доступном восприятию животного. Например, когда на экране появляется сообщение «Скоро вернусь», система, задействуя определённые участки мозга, создаёт у животного ощущение покоя, формирует состояние ожидания и вызывает ассоциативный образ — знакомое лицо, голос, запах.

По мере накопления опыта этот процесс приобретает всё большую глубину. Простые сигналы, изначально указывающие лишь на конкретное желание — например, повторяющаяся просьба открыть дверь — со временем объединяются в более широкие категории. Повторяемость мотивов позволяет ИИ обнаруживать в них общую основу, трансформируя единичные импульсы в обобщённые понятия: стремление к свободе, желание выйти на прогулку, потребность в смене обстановки. Коммуникация выходит за рамки простого обмена командами, превращаясь в континуум, где обе стороны постепенно учатся понимать друг друга в категориях, прежде недоступных для межвидового диалога.

Когда исследование погружается на глубину, за пределами внешних реакций и поверхностных импульсов, возникает потребность в создании полноценной семантической модели мышления животного — структуры, охватывающей не отдельные желания или реакции, а весь спектр внутренних состояний, намерений, потребностей и эмоциональных колебаний. Эта модель уже не ограничивается отображением сигналов, она стремится отразить внутреннюю архитектуру восприятия мира данным

биологическим видом. Каждый элемент в ней становится точкой на карте сознания, в которой эмоции, инстинкты и волевые импульсы сплетаются в единую ткань опыта.

Такой подход невозможен без внимательного учёта всех составляющих поведения. Наряду с нейроимпульсами всё большее значение приобретают невербальные сигналы: угол наклона головы, ритмика дыхания, изменение положения тела, движение хвоста, ушей, направление взгляда, микромимика. Эти показатели, порой незаметные даже для опытного наблюдателя, начинают играть роль дополнительных каналов передачи информации. Их фиксация требует внедрения многоуровневых сенсорных систем, способных регистрировать поведенческую и физиологическую активность в реальном времени.

Разрабатываются интерфейсы, сочетающие работу видеокамер с высокой частотой обновления, микрофонов, фиксирующих тональность и частотные колебания звуков, датчиков пульса и дыхания, и, конечно, мозговых имплантов, позволяющих сопоставлять телеметрию с биоэлектрической активностью нейронных структур. На пересечении этих потоков данных возникает многослойная карта, отражающая взаимосвязи между физическим состоянием организма, его нейронными реакциями и поведенческими проявлениями. Именно эта карта начинает служить основой для формирования точного «языка», в котором каждое значение не является условным, а прорастает из самой природы субъекта.

Однако универсального ключа к пониманию нет — каждый организм остаётся носителем неповторимого опыта, характера, индивидуального стиля мышления. Поэтому в основу системы закладывается модуль адаптивного обучения, позволяющий учитывать личные особенности: скорость реакции, склонность к тревожности или медлительности, предпочтения в выборе поведения, вариации эмоциональных паттернов. Только в таком случае взаимодействие не скатывается в шаблонную интерпретацию, а сохраняет чуткость к нюансам живого присутствия.

Главная цель при этом выходит за рамки простой диагностики. Создаваемая система должна не просто переводить сигналы, а становиться пространством развития, стимулирующим когнитивную активность животного, расширяющим его способность к осознанному взаимодействию с окружающим. В этой среде каждое новое взаимодействие не фиксирует известное, но открывает путь к освоению новых форм поведения, новых связей и, возможно, к зачаткам рефлексии.

При условии устойчивого взаимодействия и регулярной стимуляции интеллектуальной среды у животных начинает формироваться потенциал для возникновения новых ассоциативных связей, выходящих за рамки простого повторения опыта. Такие связи становятся фундаментом для зачатков абстрактного мышления — способности связывать объекты и события не по непосредственному внешнему признаку, а по смысловой аналогии, внутренней логике или эмоциональной близости. Это не просто автоматизм, не механическая

реакция на раздражитель, а свидетельство движения к осмыслению, к построению внутренних структур, пусть ещё неосознанных, но уже сложных и гибких.

Особенно благоприятной почвой для такого развития служат виды, уже проявляющие зачатки интеллектуальной активности. Собаки, на протяжении тысячелетий находящиеся в тесной связке с человеком, демонстрируют не только способность к обучению, но и к социальному моделированию. Кошки, при внешней отстранённости, показывают развитую избирательность и запоминают сложные поведенческие схемы. Дельфины и вороны, способные к подражанию и целенаправленному действию, попугай, обладающие элементами звуковой имитации, свиньи с их способностью к логическим сопоставлениям, и осьминоги — обладатели уникальной нервной организации и кратковременной, но выразительной любознательности — все они становятся потенциальными носителями формирующегося рассудка.

Но для того чтобы эта склонность превратилась в устойчивую тенденцию, необходимо создание обучающего интерфейса, открытого к взаимодействию, игровому эксперименту, к ошибкам и новизне. Среда должна не только воспринимать сигналы, но и предлагать выбор, провоцировать интерес, вовлекать в последовательности, в которых результат непредсказуем, но достижим. Именно игра, в своей глубинной сущности, становится начальной ступенью мышления: не привязанная к немедленной цели, но направленная на

исследование, она формирует новые комбинации поведения, способствуя развитию.

Такой интерфейс, будучи гибким и настраиваемым, сможет стать не просто каналом общения, а инструментом когнитивного роста. Взаимодействуя с ним, животное не только реагирует, но начинает инициировать действия, проверять гипотезы, возвращаться к ранее усвоенным схемам, чтобы модифицировать их или объединять в более сложные формы. По мере накопления опыта система будет не только отслеживать и интерпретировать эти изменения, но и обучаться вместе с животным, постепенно усложняя задачи, расширяя поле доступных понятий. В долгосрочной перспективе это открывает возможность для качественного сдвига: не просто понимание языка, а приобщение к модели рассудочного действия, к началу формирующегося разума как динамически развивающегося явления.

Со временем, по мере накопления паттернов и усложнения моделей, становится возможным не только установление коммуникации между человеком и животным, но и создание режима, при котором искусственный интеллект играет роль посредника между двумя представителями разных видов. Такой «переводчик животных» способен интерпретировать эмоциональные и поведенческие сигналы, поступающие от одного организма, и трансформировать их в понятную форму для другого. Например, собака, испытывающая возбуждение, передающееся в форме сигнала, может быть «услышана» кошкой не как угроза или хаотичное движение, а как приглашение к контакту, переданное

через нейтральный эмоциональный образ. Благодаря этому между существами, не обладающими общей системой знаков, становится возможным базовое взаимопонимание, построенное на перекодировке интенций.

В условиях распространения таких систем возникает предпосылка к созданию единой базы данных, содержащей обобщённые и индивидуальные «зоолексиконы» — совокупности сигналов, эмоциональных состояний и поведенческих моделей, характерных для каждого исследуемого вида. Эти лексиконы становятся не просто практическим инструментом, но научным ресурсом, формирующим новое направление в этологии и когнитивной зоологии. Язык животных в этом контексте перестаёт быть абстрактной метафорой, превращаясь в предмет системного исследования, накапливающий факты, взаимосвязи, и дополняемый по мере увеличения выборки.

Развитие этой области открывает выход далеко за пределы межвидового общения. Обогащённые базы сигналов, нейроэмоциональных паттернов и поведенческих моделей находят применение в ветеринарии, позволяя на ранних стадиях диагностировать изменения состояния организма, которые ещё не перешли в клинические формы. В области зоопсихологии появляются новые подходы к коррекции поведения, основанные на понимании внутренней мотивации, а не на внешней дрессуре. В охране дикой природы возникает возможность мониторинга психоэмоционального состояния животных

без инвазивного вмешательства: изменения в электрической активности мозга, сопоставленные с телеметрией и моделью поведения, позволяют заранее предсказывать стресс, миграционную активность, или отклонения, вызванные внешними воздействиями.

Такое расширение поля знаний не только приближает к осмысленному контакту с иными формами жизни, но и позволяет строить более устойчивые и гуманные формы взаимодействия с ними, основанные не на управлении, а на понимании.

На горизонте этого развития проступает образ метаязыка — не символической системы, ограниченной культурой или видом, а универсального слоя выражения, в котором могут быть зафиксированы состояния, намерения, переживания и взаимодействия всех существ, обладающих хотя бы зачатками чувствительности. Такой язык, не будучи построен исключительно на словах, но впитывая в себя нейронные ритмы, телесные импульсы, интонации движений, ритмы дыхания, контуры эмоций и следы памяти, станет своеобразным полем сопряжения, где разные формы жизни смогут не просто сосуществовать, но и, впервые в истории, услышать друг друга.

Создание подобной системы потребует не только технической базы, способной улавливать и интерпретировать разнообразные сигналы, но и теоретической платформы, связывающей нейрофизиологию, когнитивные науки, лингвистику, этологию и философию сознания. Метаязык жизни станет не просто инструментом перевода, а способом

картографирования сознания во всех его формах — от простейшего до сложнейшего. В нём не будет иерархии между словами и импульсами, между мыслями и ощущениями, между звуком и молчанием. Каждый акт выражения, будь то короткий всплеск активности или сложная структура поведения, получит свой резонанс в этой системе.

Такой язык, будучи по своей сути межвидовым, одновременно станет заготовкой для ещё более далёкой цели — формированию основы для гипотетической коммуникации с внеземными формами разума. Если где-либо за пределами планеты существует иное сознание, в каком бы виде оно ни проявилось — биологическом, энергетическом или ином, — то первая попытка контакта вряд ли будет основана на человеческой грамматике. Скорее всего, она будет стремиться к улавливанию структурных аналогий: распознавания намерений, реакций, симметрий, логических связей, даже если они воплощаются в формах, совершенно незнакомых. И тогда наработанный опыт общения с разумом Земли — с тем, что долгое время оставалось немым и недооценённым, — окажется не только гуманистическим актом, но и подготовкой к диалогу с иным, по-настоящему иным, разумом.

Метаязык, если он станет реальностью, будет не просто лингвистическим достижением, а новым способом существования — структурой, в которой человеческий голос, впервые за всю историю, сольётся с множеством других голосов, и не исчезнет в них, но станет яснее, понятнее, глубже.

Само ощущение общения в такой системе перестаёт быть иллюзией или односторонним процессом — оно становится полным, насыщенным и равноправным. Когда собака, например, выражает радость при встрече, не только её хвост, поза и взгляд говорят об этом: её импульсы, зафиксированные в нейроинтерфейсе, активируют заранее настроенные структуры перевода, которые передают содержание не в абстрактной или обезличенной форме, а с учётом предпочтений конкретного человека. Один услышит тёплое «Я так рад тебя видеть, наконец-то», другой — игривую фразу с ноткой иронии, третий — спокойное, сдержанное приветствие, сопровождаемое выбранным тембром голоса, оттенком интонации, даже шуткой, если её форма уместна. Всё это — не притворство машины, а точка пересечения естественного сигнала и обученного ответа, отточенного взаимодействием и нюансами повседневной близости.

И в этом, действительно, проступает нечто от сказочного мира, где всё живое обрело голос — не метафорически, а буквально, пусть и опосредованно технологиями. Наука, приближаясь к границе, где она теряет свою сухую описательность и начинает выполнять функции древней магии, становится неотличима от волшебства. Привычные объекты — собака, кошка, ворон, поросёнок — обретают способность выражать сложные, узнаваемые формы мысли, не отнимая при этом ничего от своей природы, не теряя спонтанности или простоты. Они не становятся людьми, но их внутренний мир впервые приобретает плотность, очертания, слышимость.

Такое расширение коммуникации вовсе не вступает в противоречие с задачами защиты животных. Напротив, оно может быть воспринято как высшая форма признания их ценности — не как объекта наблюдения или охраны, но как сознательного существа, достойного диалога. Повышение качества жизни здесь происходит не только за счёт уменьшения страданий, но и благодаря расширению возможностей: животное получает способность просить, объяснять, играть, выражать благодарность, скуку, недовольство — не через непонимание и повторение, а через постепенно формирующуюся систему обоюдного смысла. Оно не просто обретает «голос», но и входит в пространство, где к нему прислушиваются.

Когда невидимая прежде глубина внутренней жизни животных начнёт становиться доступной для наблюдения, а тем более — для понимания, неизбежно изменится не только форма взаимодействия, но и сама система взглядов, лежащая в основе человеческого отношения к другим видам. Способность услышать, увидеть, пережить то, что прежде казалось немым, преобразует дистанцию между человеком и животным в ощущение сопричастности, не на уровне эмоций, но на уровне сознательного признания. Ведь то, что ранее воспринималось как поведенческая схема, начинает обретать значение — становится посланием, обращением, мыслю, пусть и интуитивной, не артикулированной словами, но безусловно настоящей.

Это меняет саму структуру уважения. Оно уже не основывается лишь на нравственном призыве или на любви к «братьям меньшим», но вырастает из

понимания: перед человеком — не автомат, не носитель инстинктов, а существо, обладающее чувством времени, привязанностями, стремлениями, тревогами и способностью различать. В этот момент различие между видами перестаёт быть разделением по ценности. Оно сохраняется биологически, поведенчески, но теряет моральную окраску. Ведь теперь, когда животное способно сказать, что ему больно, что ему страшно, скучно или радостно, — и быть услышанным, — его опыт приобретает значимость.

Уважение вырастает не из жалости, а из диалога. ИИ становится не только переводчиком, но и зеркалом, в котором отражаются не только мысли собаки, кошки или осьминога, но и человеческая готовность эти мысли принять. Люди, впервые столкнувшись с тем, как животные переживают одиночество, как различают настроение, как запоминают и интерпретируют поведение, уже не смогут вернуться к прежнему взгляду, в котором животное — это функция, ресурс или украшение быта. Изменяется тон, меняется язык взаимодействия, исчезает привычный иерархический жест.

И тогда в обществе начинает происходить медленный, но необратимый сдвиг. Сначала — в бытовом отношении: больше терпения, внимательности, желания понять. Затем — в правовом поле, в изменении норм ухода, содержания, медицинской помощи. И, наконец, в культуре как таковой, где животное перестаёт быть исключительно символом или метафорой, а становится субъектом — носителем уникального сознания, отличного от человеческого, но уже не менее достойного.

Если животные начнут восприниматься не как молчаливые организмы, а как существа, обладающие опытом, реакцией, стремлением к контакту и осмысленной чувствительностью, то привычный подход к их использованию, особенно в пищевых практиках, постепенно потеряет внутреннюю оправданность. Ведь то, что ещё недавно казалось нейтральным, по мере появления голосов, взглядов, знаков обращения, станет явным — и уже не будет восприниматься как допустимое. Не потому, что кто-то запретил или убедил, а потому что изменится сам внутренний регистр восприятия. Невозможно продолжать есть того, с кем только что было общение. Даже если форма его была необычной — через интерфейс, через ИИ, через экран.

Появление метаязыка, способности к обоюдному выражению, где не человек один говорит, а и животное в ответ выражает радость, боль, нежность, — это не просто расширение технологических возможностей, а этический переворот. Каждый новый диалог будет напоминанием, что перед человеком — не масса, не стадо, не анонимная плоть, а живое существо, со своим стилем реакции, с памятью, с болью, с одиночеством, которое оно больше не обязано нести в тишине.

На этом фоне неизбежно усилится интерес к альтернативам. Разработка заменителей мяса — процесс уже начатый, но в условиях новой этической рамки он приобретёт совсем иную силу. Не как нишевый выбор, а как логическое продолжение общего движения к более осознанной системе отношений с жизнью. Искусственно выращенные волокна, белковые структуры на растительной или клеточной основе, технологии

ферментации — всё это окажется не только научной задачей, но и формой освобождения, способом сказать: теперь, зная, что чувствует другой, можно перестать делать ему больно.

И возможно, именно благодаря появлению голоса у тех, кто раньше молчал, мир начнёт меняться не сверху — не по приказу, не из страха, — а изнутри. Тихо, постепенно, как меняется восприятие близкого человека, когда впервые слышишь, что он думает, чувствует, помнит. Трудно продолжать есть тех, с кем можно поговорить.

Если понимание станет основой взаимодействия, а не доминирование и страх, то неизбежно произойдёт ослабление агрессивных реакций — как у домашних, так и у диких животных. Агрессия в природе, особенно в ограниченных пространствах, часто связана не с жестокостью как таковой, а с непониманием, с отсутствием выхода, с невозможностью выразить потребности или избежать нежеланного контакта. В условиях зоопарков, где животные лишены привычного ритма среды, где границы тесны, а раздражителей — слишком много, появление интерфейса, позволяющего сообщать внутреннее состояние, тревогу, скуку, раздражение или, напротив, желание взаимодействия, способно значительно изменить поведенческий ландшафт. Животное, которое может быть услышано, уже не нуждается в крике, в демонстрации угрозы — оно начинает использовать другие каналы, более тонкие и точные.

Даже хищники, зачастую воспринимаемые как воплощение дикого инстинкта, демонстрируют иную реакцию, когда их потребности распознаются своевременно. Условно говоря, не надо рычать, если рядом система, способная уловить переутомление, внутренний конфликт, скуку или тревожное ожидание. При долгосрочном применении такие технологии могут сделать содержание диких животных менее стрессовым, а значит — более безопасным и для самих животных, и для наблюдающих их людей.

Что касается дикой природы, то при дальнейших технологических сдвигах становится всё более реальным создание дистанционных систем коммуникации. Уже сейчас применяются GPS-ошейники, микрочипы, дроны с тепловизорами — но это лишь наблюдение. Следующий шаг — активный отклик. Лёгкие нейроинтерфейсы, не нарушающие мобильности, могут регистрировать эмоциональные всплески, страх, раздражение, покой, а в будущем — и передавать сигналы в обратном направлении. Такие сигналы не обязательно будут словесными — скорее, это будут образы, частоты, раздражения определённых участков мозга, ассоциированные, скажем, с чувством «безопасно», «отойди», «я не угрожаю». Природа давно строит общение без слов, и если научиться входить в эти каналы, не разрушая, не вторгаясь, возможно, появится новый способ существования рядом, а не поверх.

Возможность коммуникации с дикими животными в естественной среде — не просто технологическая фантазия, но начало нового взгляда на свободу. Это не попытка приручить, а способ приблизиться, не посягая.

Если, к примеру, стадо слонов сможет на расстоянии передавать сигнал тревоги, сообщать о приближении опасности, избегать стресса от вмешательства — то конфликты между животными и человеком в пограничных зонах начнут сходить на нет. Контакт, возможно, будет кратким, эфемерным, но в нём прозвучит нечто важное: признание присутствия другого и желание избежать боли.

Появление искусственного интеллекта в роли медиатора между человеком и животным не ограничится простой функцией перевода — со временем оно приведёт к формированию промежуточного пространства, в котором оба сознания будут понемногу приближаться друг к другу, не теряя своей природы, но смещаясь в сторону взаимопонимания. Интеллект, обрабатывающий миллионы взаимодействий, будет не только выявлять закономерности, но и активно выравнивать уровни восприятия, корректируя формы выражения с обеих сторон так, чтобы они стали доступными и для человека, и для животного.

С одной стороны, животное получит поддержку в развитии своего когнитивного потенциала — ему будут предложены образы, понятия, последовательности, с которыми оно ранее не сталкивалось, но которые, благодаря адаптивным алгоритмам, будут поданы в доступной и мотивирующей форме. Через игру, эксперимент, поощрение и циклическое повторение формируются новые ассоциации, более сложные структуры намерений, зачатки понимания причинно-следственных связей. В этом смысле животное не будет

просто пассивным объектом распознавания — оно станет участником процесса самораскрытия, где уровень его внутренней активности будет постепенно расширяться.

С другой стороны, и человек, благодаря ИИ, начнёт воспринимать сигналы животного не через привычную призму проекций, а в их подлинной форме. Искусственный интеллект будет упрощать, интерпретировать и структурировать человеческие ответы так, чтобы они соответствовали логике восприятия конкретного животного. В этом нет снижения — наоборот, здесь проявляется уважение к иной форме сознания. Например, вместо длинной фразы животному будет передан устойчивый эмоциональный образ или сенсорная последовательность, соответствующая смыслу слов. Слова «я вернусь завтра» могут быть интерпретированы не как набор звуков, а как устойчивая картина: ощущение спокойствия, образ знакомого запаха, временной сигнал, связанный с привычным ритмом.

Этот двусторонний процесс постепенно формирует новую модель общения, в которой искусственный интеллект не просто переводчик, а архитектор совместного пространства смыслов. Он распознаёт не только содержание, но и уровень развития собеседников, и выравнивает коммуникацию так, чтобы никто не был перегружен или потерян. Уровень животного, благодаря поддержке, приподнимается — оно начинает различать больше, реагировать сложнее, даже формулировать ожидания. А человек, проходя через фильтр, обретает способность говорить яснее, чувствительнее, сообразуясь с логикой и ритмом иной жизни.

Так складывается модель, где граница между видами не исчезает, но наполняется взаимным вниманием. И в этом медленном сближении — не подчинении, не уподоблении, а именно сближении — проявляется нечто похожее на будущую форму этики, где разум перестаёт быть монополией, а становится общей способностью к пониманию.

Давайте представим утро. Человек открывает глаза, а рядом — кот. Он смотрит пристально, чуть прищурившись, и в это мгновение система активирует голосовой отклик. Из небольшого устройства, встроенного в интерьер или в тонкий браслет, звучит голос — тёплый, глубокий, с лёгкой ленцой, как будто говорит старый знакомый, который любит утро и уют:

Кот (голосом, подобранным под характер и повадки): «Ты проснулся. Я знал. Пахнет тобой. Мне хорошо, когда ты здесь. Останься. Просто останься ещё немного.»

Этот голос не механичен — он с характером, с дыханием, с едва уловимой ленью. За ним — интерфейс, анализирующий пиковые волны активности в лимбической системе, тонус мышц, амплитуду вибрисс, последовательность взгляда, и всё это — сопоставленное с накопленной речевой моделью. Если человек в ответ отвечает вслух — «Я здесь, котик. Сегодня никуда не иду», — то система сразу же интерпретирует это через смысловые блоки и передаёт животному не слова, а образы: тепло, устойчивость, запах хозяина, ритм его движений. И в ответ кот урчит, а система воспроизводит

его «ответ» — уже адаптированный для человеческого слуха:

Кот:

«Хорошо. Тогда я положу лапу на тебя. Это не просьба. Это — чтобы ты не исчез.»

Позже в саду появляется собака — хвост ходит в стороны, уши насторожены, она приподнимается на передних лапах. Система мгновенно считывает электрическую активность, регистрирует частоту дыхания, уровень возбуждения, и в голосе собаки появляется живость, энергия, слегка порывистый тон:

Собака (голосом бодрым, прямым, почти не сдерживающим радость):

«Ты здесь! Отлично. Сегодня что-то будет? Мы идём? Пожалуйста, давай что-нибудь! Я готов!»

Человек, улыбаясь, произносит: «Пойдём гулять», — и система активирует для собаки сигналы, соответствующие воспоминаниям о предыдущих прогулках: запахи травы, движение воздуха, контакт с поводком. Собака завывает на секунду — и это уже не просто звук, а часть разговора.

Собака:

«Тебя слышно. Всё ясно. Бегом?»

И, наконец, вечером, когда всё замирает, кролик выходит из укрытия. Он двигается медленно, осматривает комнату. Сенсоры отмечают стабильную нейронную активность, спокойный пульс, мягкое дыхание. В голосе

кролика звучит шёпот — чуть неуверенный, нежный, как будто он осторожно проверяет границы:

Кролик:

«Ты не занят? Я бы посидел. Можно? Просто рядом, не трогай, просто рядом.»

И в ответ — голос человека, негромкий: «Я тоже хочу просто тишины». Система передаёт это в виде низкочастотного тактильного образа — покой, тёплый свет, запах пледа. Кролик делает шаг, ложится, и слышится:

Кролик:

«Теперь хорошо. Мне нравится, когда ты спокоен.»

Такой голосовой диалог построен на сложнейшей цепочке обработки — распознавание нейронных импульсов, анализ микросигналов тела, индивидуальные словари и эмоциональные фильтры, адаптация смысла к голосовому синтезу с учётом характера, настроения и истории общения. Каждый голос — не случайный, а выработанный под конкретное существо: кот не будет говорить голосом диктора, собака — не станет философствовать, кролик — не скажет резко. Всё звучит естественно, интимно, с тем оттенком, который возможен только в личной близости.

В результате создаётся ощущение, будто в доме — настоящие собеседники, каждый со своим языком, но все — с доступом к смыслу, к чувствам, к голосу. И вот уже не техника, не программа, а сам воздух наполняется

разговором, в котором каждое живое существо звучит своим, давно ожидавшимся голосом.

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей "Toward a meta-language of life: A critical framework for bi-directional AI-mediated communication between humans and non-human animals" (К метаязыку жизни: критическая структура для двусторонней коммуникации между человеком и животными при помощи ИИ), опубликованной в Global Science News.

В этой статье я исследую перспективы создания универсального метаязыка для общения между видами с использованием интерфейсов мозг-компьютер, мультисенсорной обработки сигналов и этичных ИИ-систем. Рад буду вашему вниманию к моей статье, в которой обсуждается, как технологии могут помочь преодолеть барьеры между человеком и другими живыми существами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Andics, A., Gácsi, M., Faragó, T., Kis, A., & Miklósi, Á. (2016). Voice-sensitive regions in the dog and human brain are revealed by comparative fMRI. *Current Biology*, 24(5), 574–578.
2. Bender, E. M., & Koller, A. (2020). Climbing towards NLU: On meaning, form, and understanding in the age of data. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 5185–5198.

3. Berns, G. S., Brooks, A. M., & Spivak, M. (2015). Scent of the familiar: An fMRI study of canine brain responses to familiar and unfamiliar human and dog odors. *Behavioural Processes*, 110, 37–46.
4. Dennett, D. C. (1996). *Kinds of minds: Toward an understanding of consciousness*. Basic Books.
5. Emery, N. J., & Clayton, N. S. (2004). The mentality of crows: Convergent evolution of intelligence in corvids and apes. *Science*, 306(5703), 1903–1907.
6. Marino, L. (2020). The case for cetacean rights: A new approach based on science. *Animal Sentience*, 5(28), 1–14.
7. Panksepp, J. (2011). *Affective neuroscience: The foundations of human and animal emotions*. Oxford University Press.
8. Pepperberg, I. M. (2019). *Alex & me: How a scientist and a parrot discovered a hidden world of animal intelligence — and formed a deep bond in the process*. Harper Perennial.
9. Savage-Rumbaugh, S., Shanker, S. G., & Taylor, T. J. (1998). *Apes, language, and the human mind*. Oxford University Press.
10. Tye, K. M. (2018). Neural circuit motifs in valence processing. *Neuron*, 100(2), 436–452.

11. Varela, F. J., Thompson, E., & Rosch, E. (1991). The embodied mind: Cognitive science and human experience. MIT Press.
12. Wiener, N. (1948). Cybernetics: Or control and communication in the animal and the machine. MIT Press.
13. Kriger, B. (2024). Toward a meta-language of life: A critical framework for bi-directional AI-mediated communication between humans and non-human animals. Global Science News.